

Таланты и диагнозы

Михаил Булгаков: жизнь в объятиях морфия

Дневник морфиниста

«**Первая минута:** ощущение прикосновения к шее. Это прикосновение становится теплым и расширяется. **Во вторую минуту** внезапно проходит холодная волна под ложечкой, а вслед за этим начинается необыкновенное прояснение мыслей и взрыв работоспособности. Абсолютно все неприятные ощущения прекращаются. Это высшая точка проявления духовной силы человека. И если бы я не был испорчен медицинским образованием, я бы сказал, что нормально человек может работать только после укола морфия...»

Эту восторженную тираду великий писатель и талантливый врач Михаил Булгаков вписал в дневник своего рассказа «Морфий» доктора Полякова. В достоверности описанных ощущений можно не сомневаться: истории болезней морфинистов – вымышленного Полякова и реального Булгакова – практически совпадают, за исключением финала: Булгакову удивительным образом удалось победить свою зависимость от морфия, а Полякову – нет.

Несчастный случай

В конце XIX – начале XX века ассортимент лекарств в аптеках был достаточно разнообразен. Без рецепта продавались камфорная настойка опия (с ее помощью лечили бессонницу и дизентерию); героин в порошке как средство для лечения астмы, бронхита, туберкулеза и нервных депрессий; лауданум – спиртовая настойка опия, обладающая успокоительным действием (ее часто давали маленьким детям, чтобы во время отсутствия взрослых они вели себя спокойно или спали); белые кристаллы морфия, прекрасного снотворного и обезболивающего. Гораздо позже – в середине 1920-х гг., когда, по статистике, 40% европейских медиков и 10% их жен (что уж говорить о пациентах!) стали морфинистами, – на широкое применение белого порошка был наложен запрет. Но тогда, в 1916 г., двадцатипятилетний врач Михаил Булгаков прибыл по распределению в глухое село Никольское близ города Вязьмы без каких-либо предубеждений относительно рецептурного средства morphine.

Впервые ввести себе морфий Булгакова вынудил случай. Первая жена Михаила Афанасьевича – Татьяна Лаппа – вспомнила об этом так: «Как-то, когда мы жили в Никольском, привезли мальчика, больного дифтерией. Михаил осмотрел его и решил удалить дифтерийные пленки из горла с помощью трубки. Ему показалось, что при этом заразная культура попала ему на слизистую оболочку, и он приказал ввести себе противодифтерийную сыворотку. Вскоре у Михаила начался сильный зуд, лицо распухло, тело покрылось сыпью; он почувствовал ужасные боли в ногах. Михаил, конечно, не мог этого вынести и попросил ввести ему морфий. После укола стало легче, он уснул, а позже, боясь возобновления зуда, потребовал повторить инъекцию. Вот так это началось...»

Из медицинского справочника

Всемирной организацией здравоохранения давно описан сценарий развития привыкания к морфию. Даже в небольшой, терапевтической дозе – 0,02–0,06 г/сут – морфин погружает новичка в «состояние рая»: оживают фантазии, обостряется восприятие, выполнение нетрудной физической и умственной работы сопровождается иллюзией легкости. По своему желанию наркоманы могут «заказывать» и «менять» содержание своих грез. Впрочем, не все так радужно: спустя некоторое время снижаются концентрация внимания, активность и продуктивность, контроль над видениями утрачивается, а приступы эйфории чередуются с переживанием страшных галлюцинаций. Привыкание к опиатам происходит сравнительно быстро: буквально через 2–3 приема появляется психическая зависимость: мысли о приеме наркотика принимают навязчивый характер. Так же стремительно развивается физическая зависимость, при этом с каждой последующей инъекцией для достижения «состояния рая» приходится вводить все большую дозу. К очередному уколу морфиниста подстегивает не только жажда пережить неземные ощущения, но и страх перед синдромом отмены.

Несчастные рабы морфия, пройдя начальную эйфорическую стадию, впадают в необратимое состояние мучительного страха и физических страданий. Малейшая отсрочка очередной инъекции грозит нестерпимыми болями в мышцах, суставах, внутренних органах, диареей с примесью крови, рвотой, нарушениями сердечного ритма и дыхания, фобиями и страшными видениями... Больные изнурены, неспособны к действиям, их воля полностью парализована, нарушены важнейшие функции мозга. Землистое лицо морфиниста напоминает маску, за которой разыгрывается настоящая трагедия. Обессиленная до предела, измотанная жертва morphine беспомощно присутствует при собственном физическом и психическом уничтожении. Конечно, не у всех познавших морфий непременно развивается зависимость. Но если она уже возникла, устранить данное состояние можно лишь ценой огромных усилий.

Михаил Булгаков, как и многие его коллеги того времени, стал жертвой существовавшего заблуждения, будто врач в силу своих знаний и опыта не может стать морфинистом. Напротив, свободный доступ к наркотику и экспериментаторский интерес привели к развитию настоящей эпидемии наркотической зависимости в рядах медиков. Усугубила состояние Михаила Афанасьевича тоскливая жизнь в деревенской глуши. Молодой врач, привыкший к городским развлечениям и удобствам, тяжело переносил вынужденный сельский быт. Наркотик давал забвение, ощущение творческого подъема, рождал сладкие грезы. Обычно уколы писателю делала его жена Татьяна. Состояние, в котором пребывал Булгаков после дозы морфия, она описывала как «...очень спокойное. Не то чтобы сонное. Ничего подобного. Он даже писать пробовал в этом состоянии». Биографы утверждают, что именно в дни своей болезни М. Булгаков начал работать над автобиографическим дневником «Морфий».

Из дневника доктора Полякова: «Я меряю шагами одинокую пустую большую комнату в моей докторской квартире по диагонали от дверей к окну, от окна к дверям. Сколько таких прогулок я могу сделать? Пятнадцать или шестнадцать – не больше. А затем мне нужно поворачивать и идти в спальню. На марле лежит шприц рядом со склянкой. Я беру его и, небрежно смазав йодом исколотое бедро, всаживаю иголку в кожу. Никакой боли нет. О, наоборот, я предвкушаю эйфорию, которая сейчас возникнет. И она возникает. Я узнаю об этом потому, что звуки гармошки, на которой играет обрадовавшийся весне сторож Влас на крыльце, рваные, хриплые звуки гармошки, глухо летящие ко мне сквозь стекло, становятся ангельскими голосами, а грубые басы в раздувающихся мехах гудят, как небесный хор...»

Осознав, что ситуация стала серьезной, М. Булгаков предпринимал попытки перейти на курение папирос с опиумом, пробовал уменьшать дозу, – тщетно. Морфий крепко держал его в своих объятиях. По воспоминаниям супруги, он делал инъекции дважды в сутки: в 5 часов дня (после обеда) и в 12 ночи, перед сном. Когда в селе стали догадываться о недуге Михаила Афанасьевича, чете Булгаковых пришлось переехать в г. Вязьму. С этим городом супруги связывали большие надежды на выздоровление. Но смена обстановки не помогла. Т. Лаппа вспоминает: «Вязьма – такой захолустный город. Дали нам там комнату. Как только проснулись: «Иди, ищи аптеку». Я пошла. Нашла аптеку, приношу ему. Кончилось это – снова надо. Очень быстро он его использовал. У него была печать, позволявшая выписывать рецепты. Так всю Вязьму исходила. А он прямо на улице стоит, меня ждет. Он тогда такой страшный был... Вот помните его снимок перед смертью? Вот такое у него лицо было. Такой жалкий, несчастный...»

В отличие от свободного доступа к морфию в сельской аптеке с. Никольского, в г. Вязьме наркотик был подотчетен. Чтобы добыть несколько граммов опиата, М. Булгакову приходилось прибегать к всевозможным ухищрениям, выписывать рецепты на разные вымышленные имена, несколько раз он посылал за ним жену в далекий г. Киев. Если же она отказывалась, приходил в неистовство. Однажды он приставил к ее виску браунинг, в другой раз запустил в жену примус. «Я не знала, что делать, – рассказывала Т. Лаппа, – он регулярно требовал морфия. Я плакала, просила его остановиться, но он не обращал на это внимания. Ценой невероятных усилий я заставила его уехать в г. Киев, пригрозив, что в противном случае мне придется покончить с собой».

Из дневника доктора Полякова: «...Нет, я, заболевший этой ужасной болезнью, предупреждаю врачей, чтобы они были жалостливее к своим пациентам. Не тоскливое состояние, а смерть медленная овладевает морфинистом, лишь только вы на час или два лишите его морфия. Воздух не сытный, его глотать нельзя... в теле нет клеточки, которая бы не жаждала... Чего? Этого нельзя ни определить, ни объяснить. Словом, человека нет. Он выключен. Двигается, тоскует, страдает труп. Он ничего не хочет, ни о чем не мыслит, кроме морфия. Морфия! Смерть от жажды райская, блаженная по сравнению с жаждой морфия. Так заживо погребенный, вероятно, ловит последние

ничтожные пузырьки воздуха в гробу и раздирает кожу на груди ногтями. Так еретик на костре стонет и шевелится, когда первые языки пламени лижут его ноги... Смерть – сухая, медленная смерть...»

Эффект подмены

Существует три версии того, как писатель избавился от зависимости. Согласно одной из них, по приезду в г. Киев родственник Булгаковых доктор Вознесенский посоветовал Татьяне вводить мужу в вену дистиллированную воду. Михаил Афанасьевич якобы принял «игру» и постепенно отошел от этой страшной привычки. Впрочем, наркологи утверждают, что такой сценарий исцеления для морфиниста маловероятен. По другим данным, жена стала уменьшать процент морфия в инъекциях в пользу дистиллированной воды – и постепенно свела его к нулю. Это более правдоподобно. Сбивчивые воспоминания самой Татьяны Лаппы об этом отрезке времени таковы: «В Киеве сначала я тоже все ходила по аптекам, в одну, в другую... Пробовала раз вместо морфия принести дистиллированную воду, так он этот шприц швырнул в меня... «Браунинг» я у него украла, когда он спал... А потом сказала: «Больше я в аптеку не пойду. Они записали твой адрес». Это я ему солгала, конечно. А он страшно боялся, что придут и заберут у него печать. Он же тогда не смог бы практиковать. Он говорит: «Тогда принеси мне опиум». Его тогда без рецепта в аптеке продавали. Он сразу весь пузырек... И потом очень мучился с желудком. И вот так постепенно стал отходить от наркотиков. И прошло».

На борьбу с морфием у М. Булгакова ушло по меньшей мере три года жизни. А одержать в ней победу, по мнению Олега Чабана, доктора медицинских наук, психотерапевта, заведующего отделом пограничных состояний и соматоформных расстройств Украинского НИИ социальной и судебной психиатрии и наркологии МЗ Украины, помог другой наркотик – творчество.

– Случай исцеления Михаила Булгакова уникальный. Опиатная зависимость – одна из самых тяжелых, ведь привыкание к морфию благодаря мгновенному достижению «состояния рая» происходит практически после первой дозы. В практике я видел всего несколько случаев выздоровления, но не после курсов лечения, а как спонтанный результат переживания жизненной драмы: например, смерти на руках друга-наркомана или гибели близкого человека, борвшегося за его освобождение от зависимости. Случай М. Булгакова уникален тем, что по своей природе писатель был предрасположен к различным зависимостям. Он был психастенической, тревожной личностью, склонной к депрессиям, тревогам, сверханализу, расстройству сна, ипохондрии, головным болям. Позже он проходил по этому поводу сеансы психотерапии и гипноза. Посмертно ему ставили даже диагноз «малопрогрессирующая (вялотекущая) форма шизофрении» без галлюцинаций и бреда. Впрочем, большинство исследователей, изучавших биографию и творчество Михаила Булгакова с медицинской точки зрения, не подтвердили этот диагноз. Депрессивно-тревожная личность – не более. Именно такие люди чаще всего становятся зависимыми от наркотиков. Поэтому вопрос, как он смог преодолеть зависимость от морфина, для меня остается загадкой. Очевидно, ему очень помогла жена – его интуитивный психотерапевт. По всей видимости, она действительно делала ему инъекции с дистиллятом и при этом давала пить опиумную настойку, постепенно с инъекционной зависимости он перешел на более легкий вариант – пероральный. Со временем дозировка уменьшалась, и Булгакову удалось избавиться от зависимости. Но самое главное – у него была мотивация. Только при ее наличии пациент может выздороветь. У Булгакова было творчество. Нарциссическая душа писателя требовала творения, представления себя миру. Предъявлять себя в виде наркомана он не мог, наоборот, всячески скрывал эту сторону своей жизни. И тогда ценой невероятных усилий он совершил подмену одного наркотика другим: предпочел морфию творчество.

Подготовила Виктория Куриленко

